

УДК 141.201 + 165 + 113/119 + 929 Розанов

Б. В. Емельянов

В. В. РОЗАНОВ: ФИЛОСОФ ИЛИ МЫСЛИТЕЛЬ?

В статье рассматриваются становление философских взглядов В. В. Розанова (1856–1919) и попытка их оформления в монографии «О понимании» (1886), явившейся предвосхищением многих идей герменевтики. Объясняются ее неудача, переход Розанова от философии как науки к философской публицистике.

Ключевые слова: В. В. Розанов, философия, познание, понимание, потенция, человек, космос.

Сто лет назад, 23 января (5 февраля) 1919 г., скончался Василий Васильевич Розанов — один из самых выдающихся религиозных мыслителей России. Через несколько лет после смерти, особенно после статьи Л. Троцкого в «Петроградской правде» от 21 сентября 1922 г. «Мистицизм и канонизация Розанова», в которой он назвал его «заведомой дрянью, трусом, приживальщиком, подлипалой» [6, 46], его работы перестали публиковать, а имя не стало упоминаться в печати. И только в начале 90-х гг., когда исчезла диктатура партийной идеологии, историки русской общественной мысли открыли оригинальность идей этого философа и публициста. За последние годы опубликованы десятки его книг, 30-томное собрание сочинений, а в 2008 г. издана уникальная «Розановская энциклопедия», на 2419 страницах которой опубликовано 1187 статей, относящихся к жизни и творчеству Розанова. Ни у одного русского философа, включая В. С. Соловьева, ничего подобного нет.

Меня, как историка русской философии, особо интересует первый этап эволюции Розанова-мыслителя, когда он попытался создать свою философскую систему, чему я и посвящаю этот историко-философский очерк.

Интерес к философии у Розанова появился рано, еще до университета, и не без влияния Дж. С. Милля. Позже он вспоминал: «Я прочел “Утилитаризм” Д. С. Милля — первую философскую книгу, которая произвела на меня большое впечатление в особенности потому, что сквозь частные и временные интересы, умственные и житейские впервые показала мне область интересов общих и постоянных... С величайшим интересом прочел 2 части “Исследований” Д. С. Милля — вторую философскую книгу, которая мне попала» [4, 686–687].

Большие надежды получить цельное философское образование Розанов возлагал на обучение в Московском университете. Учился он на историко-филологическом факультете, и его профессора многое дали студенту Розанову, кроме профессора М. М. Троицкого (1835–1899), читавшего ему курс философии. Если на первых двух курсах лекции Троицкого по истории древней философии Розанову «особенно нравились», то позже Троицкий для него был не более чем «приверженцем английского позитивизма», далеким от глубокого, собственно философского анализа действительности, который «вообще всякую философию считал “глупостью” (кроме позитивистской)» [1, 16].

С Троицким связан один эпизод философской эволюции Розанова, о котором он позже вспоминал: «Перейдя со 2-го курса на 3-ий, я написал на каникулах небольшое исследование: “Об основаниях теории поведения”, содержащее разбор и опровержение мнений, излагаемых обычно Троицким, и подал ему его; он представил его на факультет и, как я узнал от него на экзамене уже на следующий год, мне присуждена была за него премия Исакова» [4, 691]. Это событие важно для понимания смены философских ориентиров Розанова-студента. Проблемы свободы, правды, счастья стали интересовать его больше, чем позитивистская схоластика общих проблем. Особенно его заинтересовала проблема счастья. В «Автобиографии» Розанов вспоминал: «Будучи убежден в ее верховной истинности, я свой внутренний мир и свою внешнюю деятельность стал мало-помалу приводить в соответствие с нею. И постоянный анализ, вечно критическое отношение к своим поступкам и их приноравливанию к этой идее стало предметом моей внутренней жизни» [Там же, 689].

Любимым профессором в университете у Розанова был профессор истории В. И. Герье (1837–1919), который не только высоко оценил его итоговую работу за 3-й курс, но и по окончании университета предложил остаться в его стенах и начать научную карьеру. Если бы Розанов принял это предложение, Россия, зная его трепетное отношение к философии, думаю, получила бы философа высочайшей квалификации. Но Розанов отказался.

За годы обучения в университете он на примере лекций профессора Троицкого убедился, насколько он не свободен, в силу его профессиональных обязанностей, в изложении философских представлений. Оставшись в университете, Розанов наверняка сдал бы магистерские экзамены, защитил магистерскую и докторскую диссертации, изложив в них свои философские представления о мире, познании и человеке. Но вряд ли они бы соответствовали глубине философских представлений автора этих диссертаций. Поэтому-то Розанов выбрал свободу мысли, полагая, что ее даст работа преподавателем гимназии. И на 11 лет отдался ей, учительствуя в гимназиях Брянска, Елецка, Белого. Эта работа оказалась не его призванием, не была творческой, угнетала его. Но она не повлияла на его решение изложить в виде философской системы свои представления о взаимосвязи человека — познания — космоса. За пять лет упорного, ежедневного труда Розанов оформил их в монографию в 47 печатных листов с авторским названием «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» и в 1886 г. в Московском издательстве Лисснера и Романа издал ее тиражом в 600 экземпляров.

Подзаголовок книги объясняет, какую задачу поставил перед собой автор: определить возможность существования «цельного знания» (термин этот применяли уже славянофилы), его проявления как науки, его сущность, научный потенциал. Задумав свое исследование как философский трактат, Розанов озаботился его структурой, исходными принципами и вытекающими из них следствиями. В монографии три больших раздела. Первый он назвал «Определение науки», раскрыв в нем ее предмет, содержание и сущность, дав характеристику разуму как источнику науки, идеям как схемам разума и основным формам понимания.

Второй назван «Строение науки». В нем 20 глав, в которых анализируется влияние принципа понимания на строение науки при одновременном исследовании мышления и его форм. Третий Розанов назвал «Соотношение между наукою, природою человека и его жизнью». При этом в каждом из разделов он обращался к анализу понимания как научного термина. Это была первая в истории философии попытка рассмотреть его научное употребление, представить понимание как функцию разума, потенцию познания.

Работа Розанова была направлена против позитивизма, абсолютизации опыта, характерной для большинства современных ему наук и философских построений. Он же утверждает, что «господствующее положение... должно принадлежать не опыту и наблюдению, но умозрению направляющему их» [3, 20]. А умозрение (разум) обеспечивает понимание, связано с ним, выражая себя в семи схемах разума: существования (бытия), сущности (природы бытия), свойств (атрибутов) существующего и познаваемого, происхождения (причины), следствия (цели) существующего и происходящего, сходства и различия (качества), числа (количества). Каждая отдельная наука связана с той или иной «схемой разума», ориентирована на познание одной из сторон бытия. В совокупности они представляют понимание как единство «познающего (разума), познания (процесса) и познаваемого — космоса (природно-материального мира) и мира человеческого (духовного)» [5, 1759].

При этом Розанов не забывает и о потенциальном бытии, которое еще только *может* осуществиться. Ему он посвящает несколько страниц своей монографии, а затем, как он вспоминает позже, стал обдумывать план второй монографии «О потенциальности и роли ее в мире физическом и человеческом», «после которой, мне казалось, нужно поставить “точку” всякой философии и почти всяким книгам. Потенция — это незримое, полу-существующие, четверть-существующие, сото-существующие формы (существа) около зримых (реальных). Мир “как он есть”, — лишь *частица* и *минута* “потенциального мира”, который и есть настоящий предмет *полной* философии и *полной* науки. Изучение *переходов* из потенциального мира в реальный, законов этого перехода и условий этого перехода, вообще всего, что в стадии перехода проявляется, наполняло мою мысль и воображение. И, словом, мне казалось, что “моя философия” обнимает ангелов и торговлю» [1, 116]. Эта книга так и осталась в планах Розанова, хотя об идее потенциальности он размышлял еще долгие годы.

Еще одну попытку определить объем своих философских представлений Розанов предпринял в Елецкой гимназии, когда с учителем классических языков П. Д. Первовым приступил к переводу «Метафизики» Аристотеля, к которому он написал комментарии и предисловие. Как вспоминал Первов, «работа требовала исключительного проникновения и тонкость наивысшей отвлеченной мысли... Это было какое-то непрерывное философское вдохновение. Работа на этих высотах мышления настолько захватывала, что вся текущая проза жизни представлялась каким-то ненужным сном. И это было лучшее время жизни» [7, 43]. Первые пять книг они печатали в «Журнале министерства народного просвещения» в течение 5 лет — с 1890 по 1895 г. А предисловие под названием «Заметки о важнейших

течениях русской философской мысли, в связи с нашей переводной литературой по философии» Розанову удалось опубликовать в журнале «Вопросы философии и психологии» (1890. № 3). Но и эта его попытка участвовать в философской жизни страны оказалась малопродуктивной.

Печальная участь ожидала главную философскую книгу Розанова. Ее содержание, чуждое абстрактных рассуждений, не нашло отклика у читателей. Автора поддержал лишь один Н. Н. Страхов, который в своем разборе книги наряду с рядом критических замечаний указал на своевременную постановку проблем понимания и оригинальность их трактовки Розановым. Все остальные отклики на книгу были отрицательными и даже ругательными. Приведу отрывок лишь одного из них — Л. З. Слонимского «О понимании Вас. Розанова». Он пишет: «Понимание как нечто независимое от науки и философии, стоящее вне и выше их, более несомненное и обширное, чем они, — это просто логический абсурд... Так как исходная точка совершенно произвольна и основное положение автора никуда не годится, то и весь труд является напрасным... только личным пониманием г. Розанова... и кропотливая работа, предпринятая с фантастической целью, остается лишь одним из наиболее курьезных проявлений мнимой философской самобытности» [5, 1762]. Тираж остался нераспроданным и ушел в макулатуру.

Те немногие читатели книги не увидели главного — попытки не абстрактного, а реального понимания жизни во всей ее полноте. Для Розанова строгий аппарат философской конструкции не был самоцелью в построении системы. В книге нет ссылок на работы предшественников, их оценок, критики других точек зрения, а была попытка представить свое понимание как *взгляд* автора на суть «понимания», его связь с жизнью, которая для автора никогда не была философской абстракцией. Считаю, что с этой книгой Розанов в историю русской философии вошел как оригинальный русский мыслитель.

Такую его оценку мы встречаем уже у многих его современников. Одна из них принадлежит П. А. Флоренскому. В одном из своих ранних писем Розанову он писал: «Мне кажется, что Вы не философ, ибо философия есть система и форма прежде всего. Однако для меня нет сомнений, что новые данные, открытые Вами в тайниках быта и духа, найдут своего формовщика; не знаю, через 50, через 100 лет, но это случится рано или поздно, подобно тому, как Бёме истолкован Шеллингом, Баадером и отчасти Гегелем в системе. Пока этого не будет, Вы в своем существе не будете вполне поняты почти никому; рассуждать с Вами нельзя, т. к. Вас можно и должно слушать только; те же, которые рассуждают, ухватывают внешний облик и говорят не о Вашем, как таковом, а о случайной форме писаний; собственного образа у писаний Ваших нет, они безобразны, как и то, что они вполне выражают, но под разрозненными заметками скрывается громадный материал, запас новых, непосредственных данных для выработки мировоззрения, данных, имеющих нисколько не меньшее значение, чем вновь открываемые факты в области естествознания» [2, 10–11]. Это последнее замечание П. А. Флоренского подтверждает современный ученый академик А. Н. Паршин в своих статьях о Розанове — «Лестница отражений (от гносеологии к антропологии)», «Розанов и наука».

Приведенные нами аргументы позволяют сделать вывод, что, выполняя свою задачу построить своеобразную философскую систему понимания, Розанов, противопоставив ее господствующему в философии позитивизму, вышел на потребность понимания бытия в его потенциальности и выступил как *мыслитель*, далекий от философских абстракций.

-
1. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М., 1991.
 2. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Кн. 2. М., 2010.
 3. *Розанов В. В.* О понимании М., 1995.
 4. *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990.
 5. *Сарычев Я. В.* О понимании // Розановская энциклопедия. М., 2008.
 6. *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991.
 7. *Фатеев В. А.* В. В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность Л., 1991.

Рукопись поступила в редакцию 9 сентября 2019 г.